

[Polaris]

Рене ДЮНАН

МЕТАЛЛ

История давностью в двадцать
тысяч лет

В дали времен
Том II

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCXXVI

Salamandra P.V.V.

**Рене
Дюнан**

МЕТАЛЛ

В дали времен

Том II

Salamandra P.V.V.

Дюнан Р.

Металл: История давностью в двадцать тысяч лет. Пер. с франц. и коммент. Е. Лаврецкой. Илл. А. Шапрона (В дали времен. Том II). – Б. м.: Salamandra P.V.V., 2017. – 40 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. ССХХVI).

«Металл», сжатая и элегантная новелла о доисторических временах, принадлежит перу Рене Дюнан (1892-1936?) – загадочной французской писательницы и эссеистки, близкой к дадаистам.

В обширном творческом наследии Р. Дюнан, совершенно неизвестном русскому читателю – феминистические выступления и статьи в защиту нудизма, исторические и полицейские романы, фантастические и эротические повести, опубликованные под многочисленными псевдонимами, но неизменно отличающиеся стилистическим изяществом.

В книгу также вошел рассказ «В доисторические времена», впервые опубликованный в книге писательницы «Эти дамы с Лесбоса».

МЕТАЛЛ

История давностью в
двадцать тысяч лет

В слоях почвы, формировавшихся веками, мы находим человеческие кости, что свидетельствует о древности человека на земле. Но вместе с костями мы всегда обнаруживаем свидетельства производства, то есть ЦИВИЛИЗАЦИИ.

Таким образом, мы можем опровергнуть все теории религиозного происхождения, преуменьшающие древность человека. Человек жил на земле по крайней мере за сто тысяч лет до нашей эры и с самого начала обладал волей и разумом.

Первые люди имели орудия, которые облегчали им необходимый труд: охоту, войну, изготовление одежды, обустройство жилищ. Первые орудия представляли собой твердые обтесанные камни, обычно кремни.

Поэтому первые века называются эрой ПАЛЕОЛИТА или обтесанного камня, а следующий за ними период – эрой НЕОЛИТА или шлифованного камня.

В постоянном совершенствовании производства проявлялась творческая эволюция. Классификация эпох выстраивается в зависимости от видов орудий или искусства, и каждый период получил название по наименованию места, где были найдены характерные образцы.

Люди палеолита использовали почти исключительно орудия из обтесанного камня. Первые следы подобного производства обнаруживаются в межледниковый

период плейстоцена. Типичная стоянка была найдена в Шелле (Сена и Марна), и эта эпоха получила название шелльской. Люди были тогда охотниками и кочевниками. Были найдены их грубые каменные топоры.

В Сент-Ашеле (Сомма) были обнаружены следы более передового и совершенного производства; эта эпоха была названа ашельской. Инструменты искусно обработаны, они легче и удобней в обращении.

Становище в Мустье (Дордонь) носит характеристики следующей эпохи – мустьерской. С ашельских времен климат изменился, стал холодным и влажным. Люди начали использовать пещеры и другие естественные укрытия. Они с большим искусством обрабатывали кремнь и умели изготавливать поразительно острые прямые лезвия. Сохранились следы погребений.

Во времена ледникового периода, последовавшего за мустьерской эпохой, пещера Ориньяк в Верхней Гаронне служила домом еще более передовой расе; этих людей называют ориньяками или кроманьонцами.

Кроманьонцы жили в пещерах. Они изготавливали лезвия из дисковидных камней, скребки, сверла, зубила, резцы. У них появилась скульптура. Были обнаружены рельефные изображения женщин.

За ориньякской последовала солютрейская культура (от Солютре, Сона и Луара). Люди Солютре были троглодитами, обитателями пещер. У этих охотников и рыбаков имелись круглые очаги, окруженные плоскими плитами. Работа по кремню достигла совершенства. Некоторые наконечники исключительно изящны. Это были уже цивилизованные люди.

Человека Солютре сменили мадленцы (пещера Мадлен, Дордонь), последние представители палеолита. У них появились черты весьма развитой цивилизации.

Они делали светильники, где жгли жир животных, усовершенствованные зубила, крючки, выдалбливали из камня чаши (для измельчения некоторых продуктов), с изумительной тщательностью обрабатывали кости, просверливали отверстия в иглах, изготавливали зубчатые гарпуны и создавали удивительные барельефы. Известны индивидуальные погребения мадленцев. Человек этой эпохи умел шить с помощью сухожилий животных или тонких волокон дерева. Искусство указывает на наличие религии, если не сливается с ней. В целом эпоха наших предков-мадленцев – один из высочайших этапов развития человеческого разума. После них ушли в небытие утонченные искусства и ремесла, развивавшиеся на протяжении веков. Затем на Востоке и, вероятно, в Африке или в Испании человек, благодаря случаю и благоприятным обстоятельствам, изобрел новые техники изготовления полезных орудий. Неолитическая эра – это агония палеолита и рождение века металла.

На севере Европы люди палеолита продолжали развиваться самостоятельно, но во Франции суровый климат и вторжения пришельцев, без сомнения лучше вооруженных, привели к эволюционному зиянию. Металл уже явил свою силу. Вооруженные кремнем племена, которые не могли противостоять металлическому оружию завоевателей, были уничтожены. Берега Евфрата и Египет стали средоточием прогресса. Но наш мадленский художник, исчезнувший в период неолитического кризиса, тем не менее остается воплощением одной из высокоразвитых и уникальных культур прошлого.

Вночи, душной и тяжелой, легкое свечение разлилось на востоке. Тончайший муслин, казалось, обволакивал и растворял темноту. День струился неувловимыми волнами из светящейся раны, что ширилась на востоке. Вначале было сияющее лезвие цвета ржавчины, затем трепещущее и фиолетовое облако, улетающее в зенит.

Мир медленно проявлялся на свету. Сперва из мягких теней резко выступило беспорядочное нагромождение скал и заостренных вершин. После резкая серая гамма гранитов и сланцев, подымавшихся к неразличимым горизонтам юга. И наконец, безграничный голубоватый лес, охвативший север и восток нескончаемым роением хлорофилла. Поднимавшийся из леса птичий гомон словно раздувал гигантский купол неба с огромными охристыми облаками, скользящими в эфире.

На скалистом холме, что высился над огромностью леса, на поляне перед пещерой, куда не проник еще свет, в куче шкур угадывалась темная форма сторожкого зверя. Неиссякаемый свет, льющийся с востока, постепенно очерчивал контуры мира. Побелели тропинки, ведущие к пещере. Тогда тень поднялась на ноги и прислонилась к выступу скалы. Вокруг лежали каменистые и враждебные осыпи склонов у пещеры, а там, дальше, простиралось зеленое и голубое, где паслись травоядные и текли реки, где царствовала жизнь в хаосе и борьбе.

Человек глядел на лес.

Истинный зверь тех времен уже обладал поразительным разнообразием форм. Негры и негроиды с приплюснутыми ноздрями, выдающиеся вперед челюсти Австралазии, желтые и белые расы: различия скла-

дывались тысячелетиями. Сотни веков эволюции положили меж расами колоссальные пропасти.

Существо, осматривавшее лес у подножия горной цепи, которую в один прекрасный день назовут Пиренеями, было одним из последних выживших представителей артистической расы, с незапамятных времен населявшей земли, что в будущем получат имя Франции. Давным-давно похолодание, следовавшее за нескончаемыми дождями, заставило стада дичи уйти с земель, где обитали мадленцы. Огромные жвачные сами собою исчезли, охота стала делом трудным и неблагоприятным, и человеку волей-неволей пришлось покинуть обширные пещеры, служившие домом тысячам поколений предков. В поисках дичи, человек направился на юг, но пиренейские громады преградили ему путь – и вот уже полвека племя жило у гор.

Человек у пещеры издал короткий хриплый крик. Из тени выступил другой и оба заворуженно застыли, не произнося ни слова, пред восходящим солнцем.

Огромная сфера явилась на горизонте; оранжевая и пурпурная, она словно вращалась, разбрасывая искры. Лучи впились в предметы, как острые стрелы. Бьющая через край жизнь переполняла мир. Громко пели птицы.

Оба человека отличались высоким ростом, мощным торсом и короткими ногами. Черты их запавших и опущенных лиц, несмотря на молодость обоих, были проникнуты тем выражением задумчивой скорби, что сотню веков спустя составит неотторжимое свойство красоты. Яростная и стремительная жизненность сквозила в каждом их жесте. Послушные мышцы таили мгновенную упругость, что с рождением цивилизации сохранится лишь у зверей. Одежды их – звериные шкуры, скрепленные сухожилиями – были удобны и искусно выделаны. Лишь руки и ноги от середины бед-

ра оставались свободными. Их подвижные уши ловили шумы и распознавали всякий шорох, ноздри под сияющими зеркалами глаз, раздуваемые мерным дыханием, впитывали запахи, которые нес ветер. Эти люди не были, подобно их потомкам, обречены стать слабыми, плохо вооруженными животными, мало приспособленными для завоевания земного шара. Восхитительные машины, разумные и гибкие, мощные и властные, они не боялись ни кошек, ни других плотоядных. Только грозный вопрос пропитания, что и двадцать тысяч лет спустя будет мучить города, непрерывно вставал перед ними во всем своем ужасе. Первобытным созданиям надлежало пробудить в себе дремлющую человечность, а для того охота должна была сделаться утонченной и простой и оставлять место для праздности, дабы время не растрачивалось в бесплодных усилиях. Но бегство на юг стерло древние привычки мадленцев, и минувшие полвека не даровали им легкость бытия, без каковой могучий предок-обезьяна никогда не превратился бы в человека.

Прошел месяц с тех пор, как тревожные события, случившиеся в этом затерянном крае, замкнутом меж суровыми горами и покинутыми джунглями, вновь поставили под вопрос выживание племени. Двое, отправившись собирать ракушки на берег моря, что перекатывало невдалеке свои бесконечные волны, так и не возвратились. Один из подростков твердил, что слышал человеческие голоса и, наконец, сам страж принес с последней охоты, вместе с упорной и трудно давшейся добычей, предмет, над которым все племя размышляло уже четыре дня. То был дротик наподобие тех, какими они пользовались на протяжении тысячелетий. Его бросали с помощью изогнутого метательного устройства, удерживаемого в руке и обращенного вогнутой кривой в сторону цели. Мадленцы, умев-

шие обрабатывать кремни, диориты и другие твердые камни, придавая им форму ивового листа, или делать из них тройные наконечники зазубренных гарпунов, не знали природы тяжелого и холодного острия, не походившего ни на одну известную им вещь, но тотчас осознали всю его убойную силу, власть, воздействие и опасность. Их разум, облагороженный лишениями, с уверенностью подсказывал, что острие из *металла* представляет собою *будущее*, могущество, что навсегда изменит судьбы человечества.

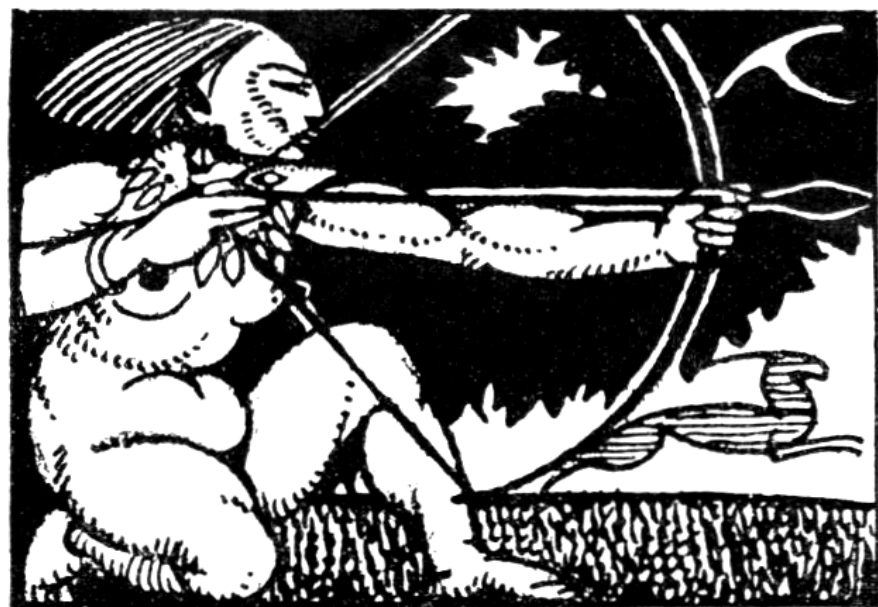
Они были стаей из шести человек и пришли из южных стран по ущельям, тянувшимся вдоль внутреннего моря. Изгои, люди вне закона, выходцы из строгой и деспотичной монархии атлантов, они бежали от тягостного труда, от добычи минералов и обработки металлов, которые жрецы, произнося магические слова, претворяли в ужасающее оружие посредством бога Огня. Мятежники, жестокие и честолюбивые души, они месяцами шли по местам, что ныне зовутся Иберией. Они шли завоевывать север, ибо к югу от родной их земли раскинулась блистательная цивилизация негритянских племен, веками устранившая металлургов. Люди эти раздобыли дротики из меди и железного колчедана, дубинки с шипастыми наконечниками и острые клинки, непобедимое оружие той эпохи, и нападали на людей своей расы, пробиравшихся в далекие края с запасами металлических изделий. Уже процветал экспорт и своего рода деловой этикет, что также подразумевало разбойников и изгоев. Некоторые из этих искателей приключений умерли в пути. Их оставалось шестеро, ловких и худощавых, низкорослых и крайне уродливых, согласно будущим

канонам красоты. Руки их свисали почти до колен, на звериных лицах выдавались челюсти, довершая обезьяноподобный облик. Их познания в искусстве были ничтожны, но они были способны многое «произвести», а их строительная наука и неведомое прежде умение работать сообща придавали им грозную силу. Они надеялись найти долговременное пристанище и *приключение*. Люди уже вошли во вкус риска и были готовы поставить жизнь на кон, не ожидая конкретных благ. Наслаждение самым совершенным оружием, ощущение величия собственной личности, что даруют убийство и победа, все то, что сотни веков спустя будет заставлять цивилизованных людей уничтожать друг друга – одним словом, воинственная душа отважно билась в груди этих первых сынов общества.

В нескольких тысячах шагов от убежища, где мадленцы глядели на горизонт, люди металла развели костер, чтобы зажарить какую-то жалкую дичь. Они в совершенстве, как никто до них, владели искусством огня. Они умели также скрывать дым, который мог выдать их лагерь. Сложная система вентиляции со своеобразными фильтрами из веток заставляла предательский дым рассеиваться. Они мрачно сидели в уединенной расщелине под прикрытием гигантской скалы, защищавшей их с двух сторон.

В те грозные времена люди говорили мало. Речь помогает скрыть мысль, и прямоходящие звери научились говорить, лишь развив в себе хитрость и коварство кошачьих. Они обменивались между собой краткими мыслями, выражая их хриплыми словами и точными жестами. Нечто вроде смеха растягивало кожу у челюстей, когда приятная, пригодная, удачная идея рисовала перед их глазами удовольствия близкого будущего.

Они испытывали громадную ненависть к женщинам – женские племена, хорошо вооруженные и воинственные, недавно прогнали их с богатых дичью угодий. Эти женщины не знали металла, но изобрели лук: высушенное сухожилие, сгибающееся гибкое и прочное дерево. Точный рой стрел, выпущенных из луков, ужаснул кузнецов; однако они лелеяли смутные мечты создать такой же инструмент для метания дротиков с медными наконечниками. Никто еще не сумел создать подобное оружие.

Солнце достигло зенита. Люди металла, сидевшие на корточках у своего бездымного костра, слушали ветер и крики хищных птиц.

Оба стража спустились вниз и бродили по лесу. Наверху, остальные люди клана – трое юношей, три женщины и двое детей – обтесывали кремни и делали из веток древки для копий. Один из мальчиков очищал от мяса свежую медвежью шкуру. Медвежья ляжка, груды ракушек и еще не освежаванное травоядное составляли запасы еды племени. Одна из трех женщин была очень стара – грубая, иссохшая старуха. Она распорядилась в отсутствие мужчин. Другая была полукровка, дитя двух племен с вечно озабоченным и жестким лицом. Лишь одна из женщин показалась бы довольно красивой даже тем, кто жил десять тысяч лет спустя. У нее был почти прямой нос, ровная нижняя челюсть, синевато-зеленые глаза, выдающийся вперед торс и подвижные бедра. Ее не взял ни один из мужчин, ибо красота не имела в те времена того значения, что ей предстояло приобрести.

Люди, которые явились позже и выкопали из земли статуэтку, которую в насмешку называли *Венерой Брасемпуйской*, и не подозревали, что держат в руках Афродиту своих предков-мадленцев. Идеальная женщина той изнурительной эпохи, коротконогая, с кру-

тым крестцом и прямоугольной грудной клеткой, ничем не напоминала будущие шедевры искусства. Женщин, обладавших ритмическим абрисом, безостановочно свивающейся и разворачивающейся спиралью красивой походки, стройностью и округлостью форм, явленных в неуловимых линиях – всем тем, что в наши дни составляет для людей красоту – презирали и считали бесформенными и немощными. Потребовалось смешение изящных древних народов с новыми, жестокими и уродливыми, чтобы в скрещении разнообразных форм проявилась отчетливая тенденция к грациозности. У металлургов, невежд в искусстве, было достойное уважение желание познавать, подражать, впитывать. Мадленцы же, казалось, исчерпали свою природную утонченность. Занимаясь скульптурой, отшлифовав и изрезав столько камней, они наряду с навыками ставшей отныне бесполезной работы приобрели некое равнодушие к своим художественным творениям. Оставленные ими восхитительные изображения бегущих, прыгающих и пасущихся животных стали для них лишь игрушками, развлечением. И потому их сменили иные носители факела.

У подножия скалы, где отдыхали люди кузницы, произошло первое столкновение, означившее войну. Мадленцы бродили по лесу без особой цели. Они учуяли странные запахи, одним из которых был резкий запах огня, и эти запахи пробудили у них опасения. Однако их обоняние, веками приученное к сухим атмосферам, не могло в точности распознать затхлые смешанные запахи насыщенных водными испарениями мест. Кроме того, они прониклись непонятной уверенностью в себе: ведь в то утро впервые за

многие годы дождей и облаков, всегда застилавших горизонт, показалось солнце.

Один из металлургов вдруг плавно и беззвучно поднялся на ноги. Пятеро других последовали его примеру. Он схватил лежавшее рядом копьё, резко отклонился назад, повернулся на левой ноге и выпрямился, подобно арбалету. Копьё, шелестя, промелькнуло в воздухе, нырнуло в густую массу листьев и с тупым звуком ударило в неизвестный твердый предмет. Трое из кузнецов одновременно повторили эти движения, и три дротика, три металлических стрелы, бросаемых рукой, полетели вслед за копьём. Снова воцарилась тишина.

Затем люди металла, не произнося ни слова, разделились на две группы и побежали вправо и влево. Они пытались окружить человеческую тень, замеченную первым из них.

Трое кузнецов внезапно очутились лицом к лицу с одним из двоих мадленских стражей. Последний яростно распрямился, размахивая колоссальным кремневым топором, рукояткой которого служила огромная дубовая ветка, и опустил топор на голову первого из нападавших. Несмотря на быстроту рефлексов, тот не успел отклониться от удара; палица с металлическими шипами выпала у него из руки, жутко раздавленное лицо превратилось в кровавое месиво. Он упал замертво. Следующий за ним кузнец, подняв копьё со сверкающим наконечником, уже занес ногу на пень, за которым стоял мадленец, но вдруг упал – второй мадленец, появившись из кустов, всадил ему в бок копьё. Острые вошло со звуком молота, бьющего по сухой ветви, и древко задрожало, как натянутая струна. Нападавший в агонии ахнул и осел на землю. Последний из кузнецов оставался позади и был готов защищаться. Но двое мадленцев различили иные звуки и с коротким криком скрылись в лесу; один уносил в качестве

трофея палицу с металлическими шипами, что ранее принадлежала побежденному врагу.

Началась погоня. В живых оставалось четверо людей металла. Стойкие и яростные, они бросились вслед за мадленцами. Но те успели за минувшие годы изучить каждый уголок своего нового жилища. Они разделились, снова сошлись, вброд перешли речку, увели преследователей от пещеры и наконец, кружным путем, вернулись к каменным склонам, где обрывался лес. Их убежище находилось немного в стороне, к западу. Они забились в расщелину, наполненную гниющими костями. Они знали, что вонь падали скроет их человеческие запахи.

Кроме того, за ними лежал проход, который вел к крутым горным тропинкам, где им случалось гнаться за ловкими и подозрительными животными. Избавившись от опасности, они стали рассматривать странную дубинку. В закаленное на огне дерево были вживлены куски медного и железного колчедана. Это делало оружие более тяжелым, но и более опасным. Простая дубинка, кремневый топор и прочее их оружие было действенно лишь в случае прямого удара. Слабый удар или скользящее прикосновение были совершенно безвредны. Но благодаря этим кускам металла, усеивавшим узловатое дерево, любая рана всегда становилась серьезной. Мадленцы смутно понимали, что с открытием этого твердого, массивного, холодного и враждебного вещества война приобретет доселе неведомый и ужасный характер. Они прозревали бесконечную жестокость, что войдет в века под названием славы. Люди кремня проводили любопытными и робкими ладонями по острым медным и железным выступам;

они были одновременно удивлены, испуганы и восхищены.

Лес был теперь недвижим. Начался дождь. Чужаки, должно быть, вернулись туда, где лежали их убитые товарищи. Возможно, они воздадут им туманные почести, что положат начало еще нерешительному религиозному культу. Но можно было заключить, что в этот день они отказались продолжать борьбу. Случай подвел их. Эти люди были низкорослы и действовали не так яростно, в то время как мадленцы, сыны исчезнувшей расы, отличались чудесной жизненной энергией мышц.

Охотникам необходимо было защитить жилище предков от чужаков и выяснить количество врагов, а затем уничтожить их. Таковы, по крайней мере, были их мысли, хотя они не мыслили упорядоченно и методически. Их уже склонные к абстракциям умы рождали планы обороны, однако планы эти неустойчиво колебались между уверенностью и сомнением.

Люди металла готовились к войне со всей ясностью своего ограниченного воображения. Их мыслительные процессы не ведали сомнений и тревог; пришельцы походили на диких зверей, постоянно ищущих выход из клетки, и хотели раздавить врагов, которые физически так мало их напоминали. Наконец, они обладали жестокостью искателей приключений и предприимчивостью кочевников.

Близился вечер, когда мадленцы вернулись в становище. Они не принесли ничего съедобного; зоркие глаза обитателей заметили это издалека, пока охотники опасливо и ловко крались между растениями и камнями. Странная палица с блестящи-

ми выступами также успела привлечь внимание племени. Охотники подошли к подножию извилистой тропинки, карабкавшейся вверх по склону, сложенному из сланцев, как вдруг резкий шум в отдаленной чаще заставил победителей насторожиться. Тяжелый предмет громко ударился о скалу и отскочил, задев одного из мужчин. Тот издал нечто вроде болезненного лая. Несомненно, враги залегли в засаде и выражали таким образом свою ненависть. Рана оказалась незначительной, но само оружие было поразительным. Оно представляло собой диск с отверстием посередине, увеличенный по краям в объеме. Подобный диск раскручивали на тонкой ветке, пока центробежная сила не сообщала ему огромную скорость, что увеличивало дальность поражения; затем движением кисти его бросали в нужном направлении. Такие диски были в те времена смертоносным оружием при охоте на крупных млекопитающих; охотники использовали в качестве оси вращения собственный указательный палец и поражали добычу за сто шагов.

Мадленцы поднялись в пещеру по обходным и почти везде хорошо скрытым тропам. Нападение, оставившее на предплечье одного из них кровоточащую царапину, больше не повторялось, а металлический диск наряду с дубиной вызвал любопытство всего клана.

Диск и палицу передавали из рук в руки; тем временем сумерки окутывали горы и равнину огромным бархатным пологом. Незнакомые предметы вдохновили настоящие речи из тридцати-сорока слов. Живой, но неуверенный ум, смутная и инстинктивная религиозность, смешанная с прагматизмом и нетерпеливостью, характерные для этой находящейся в упадке расы, не составляли эффективных средств познания. Их враги методически планировали нападение на пе-

щеру и расправу с ее обитателями, а эти артистические души, столкнувшись с чудесными предметами из далеких земель, о которых они когда-то давно слышали, предавались мечтаниям. Только старуха, издавая пронзительные звукоподражания, делилась фантазмагорическими воспоминаниями об одном человеке из своей семьи, возвратившемся домой после многих лет исследований в странах живого оружия; и она с уверенностью заявила, что металлический диск – животное очень жестокое и опасное.

Редкие и низкие облака плыли в рассеянном свете луны. Один из охотников, завернувшись в вонючие шкуры, стоял на страже, поеживаясь от влажного холода. На своем наблюдательном посту он прислушивался к звукам, принимался к запахам, а когда взошла луна, присматривался к склону, где вились ведущие к пещере тропки. В темном углу пещеры раздавался громкий храп. Старуха и дети спали в задней части пещеры, у другого выхода на склон горы.

Люди металла знали дорогу к логову мадленцев. Весь вечер они ползали вокруг, изучая способы защиты и намечая пути нападения. Прячась в зарослях у склона, они заметили наверху многочисленные фигуры. Наделенные слабым воображением, они не видели ничего особенно полезного во владении таким жилищем, тем более что местность была небогата дичью. Но как им ни хотелось продолжить путь к неведомым эдемам, им все же казалось, что людей, живущих в этом логове, необходимо убить. Благодаря познаниям в обработке металла они презирали мастерство резчиков по кремню и считали, что превосходство в оружии вскоре позволит им торжествовать победу.

Amey Chapone

На рассвете люди старой расы поняли, что должны сражаться, чтобы выжить. Постепенно выветилось серовато-пепельное небо. Обжигающие холодом северные ветра гнали набухшие облака к заснеженным вершинам гор; серая взвесь дождя и тумана размывала все вокруг. Один из мадленцев отошел от пещеры – и острым нюхом почувствовал близкий запах чужих людей. Он спустился к берегу ручья по своего рода искусственной лестнице, вившейся среди редкой губчатой травы, и под защитой крутого склона вернулся к лесу. Здесь он заметил, что один из чужаков, невидимый для стража, осторожно ползет по нависающему над пещерой скальному козырьку. Охотник находился слишком далеко от врага; он решил подобраться поближе и в свою очередь начал выслеживать добычу.

И тогда-то, обогнув громадный округлый камень, он оказался лицом к лицу со вторым врагом. Этот раздвигал ногу травоядного – животное, несомненно, было убито в ходе наблюдений за пещерой мадленцев. Вооруженный блестящим, тонким и острым ножом, он разрезал красное мясо.

У врагов, внезапно увидевших друг друга, пробудились рефлексy войны. Мадленец мощным движением поднял рогатину и бросил ее в чужака. Длиннорукий сделал то же с ярко блестящим дротиком.

У мадленца имелось преимущество: его мозг точнее и быстрее отдавал телу команды, в мускульных реакциях он на десятую долю секунды опережал противника, а рогатина находилась в трех локтях от врага, когда тот бросил дротик. Мадленец присел, накопчик дротика просвистел мимо, древко больно ударило его по черепу – но человек металла зашатался. Рогатина вошла чуть повыше правого соска. Лицо чужака исказилось от боли, он издал болезненный стон

и стал шарить рукой по бедру, где висел длинный дро-тик; однако мадленец уже распрямился, как пружина, и разmozжил кремневым топором голову врага. Кузнец безмолвно рухнул на землю.

Антропофагия была редким явлением на Западе в эпоху мадленцев – не столько потому, что людей оставляли какие-то моральные соображения, сколько по той причине, что человеческая плоть не слишком аппетитна. Каннибалы всегда были интеллектуальными дегенератами. Кроме того, при поедании человеческого мяса усиливается воздействие многочисленных болезней, передающихся от человека к человеку. Именно по гигиеническим причинам людоедство с самого начала не было распространено среди рас с превосходящим интеллектом. Мадленец подумал, однако, что эта прекрасная свежая добыча сможет прокормить клан в течение нескольких дней. Но чужак наверху, на выступе скалы, вскоре незаметно подобрется к пещере и сможет расправиться со всеми ее обитателями; нужно было сперва поспешить к нему.

Человека металла предупредил шорох скатывающихся камешков; он понял, что его самого преследуют. Обернувшись, он увидел мадленца в ста локтях от себя; тот пробирался по сланцам. Оба оказались в невыгодном и опасном положении, но и помыслить не могли о благоразумии. Они сблизились и ринулись в бой. Как и прежде, два вида оружия одновременно разрезали воздух: чужак бросил колчедановый диск, а мадленец – короткий гарпун. Гарпун пролетел мимо цели, диск угодил в предплечье мадленца. Тотчас раскрылась кровавая рана, но это лишь разъярило охотника. Забыв о всякой осторож-

ности, он пересек крутой склон, выбежал на козырек, где стоял чужак, и бросился в атаку. Дуэль была коротка. Палица отбила дротик чужака и опустилась на человека металла; он покачнулся, попытался было бросить в противника короткий острый нож, который извлек из своих мехов, и упал на колени. Он снова сумел подняться, трагический, как дикий зверь в агонии, и наконец оступись и упал с узкого выступа на вьющуюся вниз тропинку.

Сверху, из просвета между облаками, на лес и громады гор лилися голубоватый свет. Туманные водяные испарения придавали окрестностям тот размытый, лишенный резких красок вид, что люди многие века спустя назовут меланхолическим.

Смерть овладела двумя телами, в которых несколько секунд назад была через край жизнь.

Битва шла и в пещере.

Мадленец склонился на обрывом, глядя издали на своего трепещущего врага. Вокруг разливался неясный мягкий свет. Возможно, он ощутил его красоту в эту минуту, когда судьба его расы близилась к завершению. Но затем его сознание охватила яростная радость. К чувству победы над врагом прибавилось блаженство душевного покоя после пережитого волнения, биения в висках и боли кровавого танца битвы. Он чувствовал, что словно стал сильнее, могущественнее, *божественнее*; казалось, он превратился в полновластного хозяина голубоватых пространств, убегавших к бледному горизонту. Он издал сдвоенный счастливый крик, отозвавшийся в горах хриплым призывом.

Внезапно снизу, из пещеры, до него донесся шум схватки, звуки сражения. Он бросился туда, быстро спустился на тропинку, где лежал в агонии враг. Пробегая мимо этого залитого кровью лица, этого распростертого на земле туловища, этих содрогающихся, сломанных при падении ног, он мельком увидел расширенные глаза, глядевшие на него с горечью. Молящие? Испуганные? Вызывающие? Кто мог бы сказать? Победитель пробежал мимо. Кровавая пена вскипала на губах побежденного при каждом вдохе и выдохе.

Магдаленец, торопясь, встревоженный и все же торжествующий, наконец достиг склона, ведущего к пещере. Запутанные тропинки, скалы, повороты сменяли друг друга. Затем последний крутой спуск.

Вот и логово. Низкая арка открывает вход, лежащий в тени цвета синей морской воды. Победитель издает призывный крик.

Из пещеры выскакивает массивное тело с вытянутым вперед копьём. Победитель чувствует, как в теплую плоть его плеча впицается зубчатое лезвие. Он кидается на чужака, завладевшего его жилищем. Палица исторгает у противника крик боли. Враги сталкиваются вплотную, нанося друг другу раны.

В пылу схватки мадленец успевает заметить: вот лежат на полу пещеры дети с разможженными черепами; за ними старуха, обезглавленная, со вспоротым животом – она защищалась, как мужчина, и в руке ее еще зажат кремневый топор. Один из людей металла, с ужасающе изуродованным лицом, распростерт поодаль: вторжение в жилище людей кремня нелегко далось захватчикам.

И охотник, наследник чудесных художников уже умершей эпохи, чувствует, что остался в битве с врагом последним из своего народа. Все это мгновенно проносится у него в голове: он продолжает сражаться.

Пещера просторна, но в этой части сужается. Он уже нанес противнику несколько жутких ударов, но кузнец, сжимая в руке блестящий нож, вдруг делает молниеносное движение. Охотник видит, как к нему приближается неведомое оружие. Он уворачивается, задевает рукой о стену, вооруженная палицей рука ищет места для нового замаха.

Слишком поздно. Сверкающая молния добирается до него. В замешательстве он чувствует, как сопротивляется, затем поддается надетая на него шкура. Его плоть пытается отторгнуть это тонкое и необъяснимое оружие. Лезвие вонзается. Мадленец ощущает порыв ледяного холода. Вонзенное в тело лезвие окружено кольцом боли. Громадная, неизмеримая боль нарастает, подавляя сознание и все его существо. Он хочет вдохнуть, вновь наполнить грудь воздухом, но зияющий провал его рта лишь изрыгает в ужасном спазме струю крови.

Металл победил.

В кровавой пещере, наполненной зловонием мертвых тел, человек металла приближается к последнему живому существу – к женщине, что предвосхищает красоту будущих времен. Она застыла от испуга, прижалась в угулу к стене. Он истекает кровью и спокоен в своей ярости. Без сомнения, это единственный мужчина, выживший в битве двух кланов. Возможно, за его низким лбом и острыми глазами возникает мысль о бесполезности всех этих убийств. Он приближается, в его руке блестит лезвие, которое только что отняло жизнь у последнего мадленца – первый клинок, первое совершенное орудие убийства. В нем трепещет грубая душа предков-металлургов. Искусство для этих людей Юга не является изнурительным трудом, давним и привычным, все секреты которого давно познаны предками. Стоя перед этим стройным телом, созерцая

Henry - Chappone

его изгибы, едва прикрытые поношенной и дряблой шкурой, он предчувствует тайну женской красоты. В биении артерий он ощущает, как бесконечно ширится охватившее его чувство восхищения.

Он останавливается перед женщиной. Оба молча глядят друг на друга. Наконец, нож выпадает из руки человека металла и он делает едва уловимый дружеский жест. Она читает в его глазах свою власть и свое будущее. Она отделяется от зернистой холодности камня, который считала уже своей могилой, переступает через одного из убитых, через другой труп. Мужчина, тяжело дыша, пятится перед ней.

Вот и свет дня. Лес мрачным ковром тянется в бесконечность, горы молчат, скрежещет лишь ветер, царапая гранит. Небо накрывает своим жемчужным куполом все четыре стороны света.

Теперь они – пара.

Их дети, бродяги, ремесленники и художники, сумели сочетать науку и мечту. Они изобрели красоту. Благодаря некоторым из их потомков, ушедшим на Восток, варварские народы Эгейского моря узнали *железо и искусство*. И новый народ, в чьих жилах смешалась кровь атлантов и кровь мадленцев, обрел бессмертную славу под именем Эллинов.

В ДОИСТОРИЧЕСКИЕ ВРЕМЕНА

Из книги «Эти дамы с Лесбоса»

Prix : 3 francs.

CES DAMES DE LESBOS

Vues par
Renée
DUNAN

Dessins
de LE RALLIC

"ÉDITIONS PRIMA", 67, rue Servan, PARIS (XIe)

Тридцать тысяч лет назад. Рядом с густым и темным лесом, в огромной пещере с бесчисленными гrotами и подземными коридорами, живет племя дочерей Волчицы. Долгие века эти женщины, эти дочери Волчицы, жили тесно сплоченным кланом, встречаясь с мужчинами лишь раз в году, когда деревья покрываются новыми почками. Затем они убегали в свое неприступное жилище, неся в себе плоды жестоких, лишенных сладострастия слияний. Когда появлялись дети, они убивали мальчиков, а девочек воспитывали по строгим законам клана.

Они делали их смелыми охотницами, такими же, как они сами – воительницами, которые без страха выслеживали громадных диких зверей и ежедневно приносили на сильных плечах добычу, чтобы накормить старух и детей. Но у костров пещеры всегда жили и слабые. У них были другие обязанности.

Они владели искусством сладострастия. Дело в том, что дочери Волчицы не испытывали никаких чувств, встречаясь с мужчинами, но трепетали, словно листья на ветру, под нежными ласками сестер, даривших им любовь и счастье.

В то утро рыжеволосая Доа, собираясь на охоту, рассеянно пробовала пальцем острое копьё. Она умела молниеносно метать копьё в рычащих зверей, укладывая их на месте. Но сейчас она вспоминала радости, что испытала ночью со сладкой Адир, самой искусной из дарительниц восторга. Доа не хотелось идти на битву с медведем или туром... Так приятно было бы лежать с Адир, Адир с нежной, белой кожей, в таинственном гроте, устланном сухими мхами, где любовь волновала сердце...

Суровые законы запрещали общение с дарительницами ласк, пока охотница не принесет клану хотя бы

три четверти оленьей туши. Долг был превыше всего. И Доа отправилась на охоту.

Но и в лесу пламя желания упрямо дрожало в ее груди, покрытой коротким мехом волос. Она вся горела, она была неудовлетворена и продолжала вспоминать Адир, ее нежные объятия и поцелуи, что были слаще меда.

Вечером она вернулась с пустыми руками. Она слишком много мечтала о любви и слишком мало думала об охоте. Она помнила законы клана, но ощутила острый укол ревности, когда увидела, что ее соперница Ваи принесла тушу дикого кабана. Сегодня лишь Ваи будет иметь право вкусить радости Адир.

Посреди ночи, горя желанием, вся мокрая от пота, Доа – сотрясаясь судорожной дрожью и не в силах совладать с собой – тайком пробралась в грот белотелой искусницы. На продолговатом камне в груди тонких ветвей кустарника тлела головня, освещающая крепкую и волосатую фигуру Ваи, а рядом извивы сияющей плоти Адир.

Доа бросилась на ложе из мхов и заплакала:

– Приди ко мне, Адир!

Тридцать тысяч лет назад женская душа была такой же сложной и утонченной, как сегодня. Ваи не рассердилась, не избила нарушительницу своей палицей, а лишь тихонько рассмеялась. И бросилась приветствовать соперницу, в то время как жрица злилась, ибо секреты желания были найдены и без нее. Ваи приняла Доа, осенила ее сердце наслаждением, поразила ее, как удар молнии, и подарила ей любовь.

Вскоре после этого Доа и Ваи, дочери Волчицы, даже поженились и больше не желали видеть мужчин.

КОММЕНТАРИИ

Рене Дюнан – одна из нерешенных загадок французской литературы. Многие вообще не верят в ее существование, считая «Рене Дюнан» чьей-то мистификацией или псевдонимом. Ее фотографии сомнительны, а никто из корреспондентов, похоже, лично с ней не встречался. «Официальная» биография (если в этом случае можно говорить о какой-либо официальной биографии) гласит, что она родилась в Авиньоне в 1892 году, в начале 1910-х годов приехала в Париж, работала секретаршей, много путешествовала и с 1919 г. начала публиковаться в газетах и журналах. Ее книги были опубликованы между 1922 и 1934 годами; это – свыше 30 романов и повестей, в числе которых любовные и исторические романы, детективы, мистическая и научная фантастика, а также изрядное количество эротики. К этому следует прибавить и многочисленные статьи, эссе и критические заметки, частично написанные под множеством псевдонимов. Среди них – анархистские и радикально-социалистические тексты, выступления в защиту нудизма и похвалы дадаизму. Рене Дюнан скончалась не то в 1936, не то в 1938 году. Впрочем, именно в эти годы малоизвестный литератор Жорж Дюнан начал утверждать, что именно он написал все произведения «Рене Дюнан». Правда, есть и мнение, что «Жорж» был очередной мистификацией неистощимой на выдумки Рене, продолжавшей публиковаться под мужским псевдонимом и под прикрытием реально существовавшего человека до самой смерти Жоржа Дюнана в 1944 г.

С чисто литературной точки зрения, впрочем, биографическая тайна не столь важна: писательница Рене Дюнан в литературе безусловно существовала. И эта писательница была большой

поклонницей творчества Ж. Рони-старшего, восхищалась его «чудесно богатым» стилем и писала: «Некоторые пассажи Рони в “Вамирэх” и других книгах – это поэзия». Под очевидным влиянием Рони-старшего Дюнан и сама создала несколько «доисторических» новелл.

Первая из них, «Металл», появилась в еженедельном журнале *Floréal* в октябре-ноябре 1920 г. (№ 38 – предисловие, написанное по просьбе редакции и №№ 41-43). В переводе использован журнальный текст.

В 1926 г. крошечным тиражом вышла книжка «Мадленцы», куда вошел несколько видоизмененный «Металл» и рассказы «Изобретение любви» и «Изобретение меда». Наконец, в 1928 г. в составе книги «Эти дамы с Лесбоса» появился рассказ «В доисторические времена».

Произведения Р. Дюнан ранее на русский язык не переводились. В 2001 г. под псевдонимом «Спедди» была издана приписанная Дюнан книга, объединившая эротические романы «Колетт, или Развлечения хорошего тона» и «Беспутства». В ряде источников действительно можно встретить утверждение, что под псевдонимом «Spaddy» писала Дюнан, однако наиболее осведомленные исследователи ее творчества считают, что под этим псевдонимом скрывался другой автор.

Оглавление

Металл	6
В доисторические времена	34
Комментарии	38

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.